СОДЕРЖАНИЕ

Проблема календарной словесности 8

Глава 1. Устные истории и литературный святочный рассказ 36

Глава 2. Святочная словесность XVIII века 70
- Святки в XVIII веке 70
- «Повесть о Фроле Скобееве» 86
- «Святочные истории» в журнале М. Д. Чулкова «И то и сио» 102
- Святочная драматургия XVIII века 114
- Заключение 121

Глава 3. Святочная словесность первой трети XIX века . . . 122
- Баллада В. А. Жуковского «Светлана» в общественном и литературном обиходе 122
- Этнография, фольклористика и «святочная» словесность 1820–1830-х годов 149
- «Святочные» повести М. П. Погодина 157
- «Святочная» фантастика 1820–1830-х годов (Н. А. Полевой, Н. И. Билевич, Н. В. Гоголь) 173
- Маскарадная повесть 184
- Новогодние тексты 190
- Заключение 193

Глава 4. Святочный рассказ середины XIX века 196
- Литература и этнография 196
- Christmas stories Чарльза Диккенса и русский рождественский рассказ 210
- Рождественская елка в жизни и в литературе 223
- Детская рождественская литература 243
- Заключение 251

Глава 5. Святочный рассказ последней трети XIX века 254
Календарная словесность и периодическая печать в пореформенное время (1860–1870-е годы) 254
Н. С. Лесков и традиция русского святочного рассказа 264
«Святочный бум» конца XIX века 285
Сборники святочных рассказов 320
Святочная «продукция» Н. А. Лейкина 328
А. П. Чехов и проблема календарной словесности 334
Заключение 349

Судьба святочного рассказа в XX веке. Итоги и перспективы 352

Приложение. Святочные рассказы

Неизвестный автор. Обручальное кольцо, или Суженый . 369
И.-Л. Рунеберг. Вечер на Рождество в лоцманской избе 382
Ф. М. Достоевский. Мальчик у Христа на елке 389
И. А. Купчинский. Гаданье 395
Е. А. Бекетова. В старом доме 407
М. Е. Еллинская. Накануне Рождества 424
А. Бачманова. Рождественская ночь 448
И. Н. Пономарев. Случай гаданья 468
Н. П. Вагнер. «Христова детка» 472
А. А. Крылов. Перед роспуском 488
Ф. В. Домбровский. Гадание на погосте 493
А. Н. Севастьянов. Завело 502
М. В. Волконская. Солидный подарок 517
А. И. Куприн. Тапер 538
П. О. Геккер. Бонжур 554
Н. Н. Сон 572
В. Евстафиева. Ваня 613

Светлой памяти моих учителей
Зары Григорьевны Минц
и Юрия Михайловича Лотмана

ПРОБЛЕМА КАЛЕНДАРНОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Декабрьский номер «Московского телеграфа» за 1826 год содержит произведение, принадлежащее перу издателя этого журнала Н. А. Полевого. Оно называется «Святочные рассказы». Полевой начинает повествование с воспоминаний о своих давних собеседниках, московских стариках, которые, по его словам, «тихо доживали и договаривали свой век» в удаленных от городского шума уголках Москвы. А им было о чем поведать как друг другу, так и молодым людям, предпочитавшим тихую беседу у камина светским вечерам и балам. «…И вот теперь, кстати на святках, — пишет автор, — послушайте, что мне удалось услышать в один только вечер в беседе *нескольких* стариков»[1]. На этом вечере присутствовали бывший «суворовский воин», обремененный опытом военных походов XVIII века, «философ» Терновский, страстно любящий сверхъестественные рассказы и верящий в них, Шумилов, большой любитель рассказывать всевозможные истории, и, наконец, сам хозяин дома, у которого «была странная привычка говорить всегда о том, что прилично времени и обстоятельствам»: уж коль беседа состоится на святках, то и говорить, по его мнению, надо ни о чем другом, как

[1] Здесь и далее, кроме особо оговоренных мест, курсив мой. — *Е. Д.*

о святках. «Круто повернул он разговор», и собеседники начали делиться воспоминаниями о веселых святочных вечерах своей молодости, а Шумилов рассказал приятелям святочную «страшную повесть», «русскую быль» из истории средневекового Новгорода. На прощанье автор пообещал читателям поделиться с ними в будущем другими святочными рассказами, которые он слышал от своих старых друзей[1].

Судя по всему, именно это произведение Н. Полевого ввело в культурный и литературный оборот термин «святочный рассказ», ставший столь популярным несколько десятилетий спустя. Полевой напечатал «Святочные рассказы» в двенадцатом номере своего ежемесячного журнала, а значит, читатели получили его как раз к святкам. Он создал иллюзию написания текста именно *на святках* («и вот теперь, кстати *на святках,* послушайте…»); он воспроизвел один из *святочных вечеров,* проведенных со своими любимыми стариками («Были, как и теперь, святки»), на котором собеседники вспоминают *святочные вечера* своей молодости, а один из них рассказывает *святочную историю.* Весь текст оказался пронизанным событиями, имевшими место на святках, и разговорами о святках. Здесь Полевой проявил себя человеком народного мировосприятия, в основе которого лежит потребность в определенное время вспоминать события, происходившие в то же самое календарное время, и говорить о них. Согласно этому мировосприятию, оказывается, что само время как бы *стимулирует,* а может быть даже *провоцирует* создание текстов, содержательно связанных с ним. С этой точки зрения, «Святочные рассказы» Полевого могут быть рассмотрены как пример *календарной словесности.*

[1] *П<олевой> Н.* Святочные рассказы // Московский телеграф. 1826. № 12. С. 103–129; 139–192.

Вопрос о зависимости функционирования повествовательных произведений от времени и обстановки был поставлен в 1929 году В. Н. Харузиной[1]. Бережный исследователь и тонкий знаток народной словесности, она впервые обратила внимание на то разрушение фольклорного текста, которое происходит при исполнении его «на заказ» — когда фольклорист производит запись не в естественной обстановке (в определенное время и в своем кругу), а в обстановке случайной и не соответствующей данному рассказу. Время и текст оказываются прочно связанными: «…повествование рассказов допускается не всегда, не во всякое время»[2]. То, о чем можно говорить вечером, не подходит для утра; то, о чем повествуется в течение одного календарного периода, неуместно для другого. Время существенно влияет на ту мистическую силу, которая содержится в повествовании:

> Известное время содействует, очевидно, сгущению в рассказе этой мистической силы, придает действенность рассказу в определенном направлении. Другое время разряжает эту силу,

[1] *Харузина В. Н.* Время и обстановка рассказывания повествовательных произведений народной словесности // Учен. зап. / Ин-т истории РАНИОН. 1929. Т. 3. С. 41–51. О ритуальной функции воспроизведения некоторых повествовательных текстов на праздниках, в частности на святках, см.: *Зеленин Д. К.* Религиозно-магическая функция фольклорных сказок // Сергею Федоровичу Ольденбургу: к пятидесятилетию научно-общественной деятельности. Л., 1934. С. 221–222; *Viidalepp R.* Das Erzählen der Volksmärchen als arbeitsfördern der magischer Ritus // Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Москва, 3–10 августа 1964 г. VI. М., 1969. С. 263; *Успенский Б. А.* Религиозно-мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии: Семантика русского мата в историческом освещении // Semiotics and the History of Culture: In Honor of Jurij Lotman. Studies in Russian (UCLA Slavic Studies). Vol. 17. Ohio: Slavica Publishers, Inc. Columbus, 1988. P. 254.

[2] *Харузина В. Н.* Время и обстановка рассказывания повествовательных произведений народной словесности. С. 48.

обезвреживает ее, отнимает у рассказа ее действенность, делает его обыденным явлением, с которым соприкасаться, входить в отношение безопасно[1].

Как отмечает Харузина, это относится к рассказыванию не только мифа или предания, но и таких историй, которые, казалось бы, не содержат ничего священного или мистического. Можно подумать, что календарные произведения специально приурочиваются рассказчиками к конкретному периоду, но в действительности это не так: само время способно аккумулировать особенные, свойственные только ему тексты[2]. Именно такие произведения, которые спровоцированы временем, обладающие определенной содержательной наполненностью и сюжетно связанные с ним, и следует называть календарными.

Календарная словесность, ее природа и жанры, ее особенности, обусловленные временем функционирования, изучены далеко не достаточно. Более всего обращала на себя внимание исследователей народная календарная поэзия, иначе называемая «поэзией календарных праздников».

---

[1] *Харузина В. Н.* Время и обстановка рассказывания повествовательных произведений народной словесности. С. 51. А. Я. Гуревич пишет о восприятии времени в эпоху Средневековья: «Время и пространство может быть добрым и злым, благоприятным для одних видов деятельности и враждебным для других. Существует сакральное время, время празднеств» (*Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 46; см. также: *Гофф Ж. ле*. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 155–183).

[2] Фольклористы нередко отмечают тот факт, что записывать тексты от информантов несравнимо легче осенними и зимними вечерами, нежели летом и днем; см., например: *Сенькина Т. И.* Типы русских сказочников Карелии // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1987. С. 61; о временной приуроченности рассказывания текстов см. также: *Успенский Б. А.* История и семиотика (Восприятие времени как семиотическая проблема): Статья первая // Учен. зап. / Тартуский гос. ун-т. 1988. Вып. 831. С. 66–84.

Обрядовые песни, которые исполнялись в течение зимних праздников (подблюдные, колядки, щедровки), весенние песни (веснянки), сопровождавшие обряд заклинания весны, песни, связанные с обрядностью Ивана Купалы, собраны и изучены глубоко и обстоятельно[1]. Однако календарная словесность далеко не ограничивается поэзией народного календаря. Аграрный (сельскохозяйственный) календарь — лишь один из календарей, которые обычно функционируют в той или иной культуре одновременно и параллельно друг другу.

Чтобы понять возникновение разнообразных форм календарной словесности, необходимо осознать культурную роль календаря как системы счисления времени[2]. Казалось бы, равноправные и равноценные дни и совокупности дней в году на деле не обладают таким равноправием и однородностью. Так, дни недели бывают постные и скоромные, «счастливые» и «несчастливые», а кроме недельного праздника (воскресенья), календарь содержит определенное количество других праздничных дней[3]. Деление календаря на будни и праздники является его универсальной чертой. Как писал М. М. Бахтин, «праздник — первичная и неуничтожимая категория человеческой культуры. Он может оскудеть и даже выродиться, но он не может

[1] См., например: Поэзия календарных праздников. Л., 1970; Обрядовая поэзия Пинежья. М., 1980; Календарно-обрядовая поэзия сибиряков. Новосибирск, 1981; *Круглов Ю. Г.* Русские обрядовые песни. М., 1982; *Виноградова Л. Н.* Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. М., 1982 и многие другие.

[2] См.: *Брагинская Н. В.* Календарь // Мифы народов мира. М., 1982. Т. 1. С. 612–615.

[3] См.: *Успенский Б. А.* К символике времени у славян: «чистые» и «нечистые» дни недели // Finitis duodecim lustris: Сб. статей к 60-летию проф. Ю. М. Лотмана. Таллин, 1982. С. 70–74; *Толстая С. М.* К соотношению христианского и народного календаря у славян: Счет и оценка дней недели // Языки культуры и проблема переводимости. М., 1987. С. 154–168.

исчезнуть вовсе»[1]. Праздник (праздный — пустой, ничем не заполненный, порожний), составляя оппозицию будням, представляет собой сакрально заполненное и потому нерабочее время. Для разных социальных и культурных слоев общества количество праздников и само их распределение в пределах годовой календарной таблицы различно[2]. Праздники бывают некалендарные — нерегулярные и достаточно случайно замещающие собою время обычных будничных дней, как, например, дни свадеб, рождений, выпускные балы и т. п., и календарные — отмечающиеся всегда в одно и то же (или в случае передвижных праздников — примерно в одно и то же) время. «Календарный, то есть повторяющийся праздник, — по определению Е. Г. Рабинович, — есть ритуальное воспроизведение некоего события мифологической или истинной истории»[3]. Потребность в таком воспроизведении наблюдается во всех культурах, хотя формы его могут быть весьма разнообразны. Праздник способен порождать определенные ситуации и события, особое психофизическое состояние его участников (праздничное переживание) и некоторый набор текстов различного назначения.

В истории русской культуры на протяжении нескольких веков одновременно сосуществовало несколько календарных систем. Иногда они тесно переплетались между собой, а иногда функционировали параллельно друг другу. Прежде всего, следует указать на праздничный

---

[1] *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965. С. 300.

[2] См.: *Бернштам Т. А.* Будни и праздники: Поведение взрослых в русской крестьянской среде (XIX — начало XX в.) // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985. С. 120–153.

[3] *Рабинович Е. Г.* Тип календаря и типология культуры // Историко-астрономические исследования. М., 1978. Т. 14. С. 145; см. также: *Топоров В. Н.* Праздник // Мифы народов мира. М., 1982. Т. 2. С. 329–331.

цикл аграрного календаря, согласно которому протекала трудовая (будничная) и праздничная жизнь крестьянства. Во-вторых, это система церковных календарных дат. Взаимоотношения между сельскохозяйственным и церковным календарями были сложными, а на первых порах и весьма напряженными. В конце концов церковный календарь в чем-то подчинился аграрному, а в чем-то подчинил его себе[1]. В-третьих, это не раз менявшаяся на всем протяжении русской истории система годовых государственных праздников, особенно отчетливо дававшая о себе знать со времени секуляризации жизни в Петровскую эпоху. Характерно, что Петр I начал свои реформы, строительство новой жизни в стране, именно с введения нового календаря[2].

Каждый праздник, вне зависимости от сферы, которую он обслуживает (сельскохозяйственной, церковной, государственной, семейной), обладает сакральностью в пределах этой сферы и несет в себе особое содержание и идеи, отражением которых становятся конкретные обряды. Регулярное воспроизведение определенного ритуала образует традицию проведения праздника и закрепляет за ним множество текстов (песни, стихи, ораторские выступления, лозунги, речевки и т. п.), которые и составляют корпус *календарной словесности.* В рамках текстов этой категории можно выделить календарную поэзию, календарную ораторскую прозу, драматургию и, наконец, календарные нарративные тексты, сюжетные или бессюжетные.

В меньшей степени, с точки зрения календарной приуроченности, изучена и осмыслена церковная календарная

[1] См.: *Успенский Б. А.* Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николы Мирликийского). М., 1982.

[2] См. об этом: *Панченко А. М.* Церковная реформа и культура Петровской эпохи // XVIII век. СПб., 1991. Т. 17. С. 3–16.

словесность, хотя известно, сколь велика значимость календаря в практике церковных служб. Тексты служб, чтений и песнопений обычно бывают закреплены за определенными днями. И сборники евангельских текстов, предназначенные для богослужения (евангелия-апракос), и Четьи-Минеи (чтения о святых), и Триоди, включающие в себя праздничные чтения, — все это книги, составленные в соответствии с церковным календарем. Некоторые произведения церковной ораторской прозы, созданные к тому или иному празднику, тем самым становились календарно обусловленными (см., например, «Беседу в день Рождества» Иоанна Златоуста[1]). Известно, что наибольшей популярностью пользовались те торжественные слова Кирилла Туровского, которые он писал специально для чтения в дни церковных праздников. Таково, например, его «Слово на новую неделю по Пасхе», в котором создается атмосфера переживания важнейшего евангельского события[2]. В Четьих-Минеях и в Триодях материал располагается в порядке ежедневного чтения в честь святых православной церкви, поминовение которых осуществлялось в дни их тезоименитства[3].

Светские календарные праздники (Новый год, годовщины государственных событий, дни восшествия на престол и т. п.) обычно порождают свои особые формы календарной словесности. Так, в XVIII веке нужды светского, ежегодно отмечавшегося праздника удовлетворяла ода — ведущий ораторский жанр русской поэзии эпохи классицизма. Примером могут служить многочисленные оды Ломоносова.

---

[1] См.: *Архангельский А. С.* Творения отцов церкви в древнерусской письменности // Журнал Министерства народного просвещения. 1888. Август. С. 213–214.

[2] См. об этом: *Еремин И. П.* Ораторское искусство Кирилла Туровского // Еремин И. П. Литература Древней Руси. Л., 1964. С. 132–143.

[3] См.: История русской литературы X–XVII веков. М., 1980. С. 94.

> Написание и издание их, — писал Г. А. Гуковский, — приурочивалось чаще всего к официальным торжествам: дням рождения, именин, восшествия на престол и т. д. императрицы, в частности, Елизаветы Петровны <…>. В эти дни, отмечавшиеся празднествами в Академии наук и во дворце, Ломоносов выступал с поэтическими заявлениями…[1]

Аналогичны одам и те надписи «на иллуминации», которые составлялись Ломоносовым на тему ежегодно повторяющегося праздника: «На день рождения Ее Величества», «К новогоднему маскараду», «На Новый год», «На день тезоименитства» и т. п. Для Ломоносова, исполняющего роль государственного «пиита», эта приверженность календарю особенно характерна, но то же самое можно сказать обо всех поэтах-одописцах — А. П. Сумарокове, Н. Н. Поповском, Е. И. Кострове и других.

С точки зрения временно́й приуроченности, одам аналогичны многочисленные тексты, посвященные всевозможным праздникам и юбилеям государственного, светского и семейного содержания. В этом отношении весьма показательны популярные в XIX веке сборники стихотворений «на случай»[2]. В каждом в той или иной степени замкнутом социуме создается свой календарь — свои годовщины, праздники, памятные даты, которые отмечаются не только традиционным обрядом, но и исполнением произведений, посвященных этому дню. Примером могут послужить

---

[1] *Гуковский Г. А.* Русская литература XVIII века. М., 1939. С. 96–97.

[2] См., например, сборник «Детские поздравления в стихах» (М., 1846), где составитель рекомендует детям стихотворения на различные даты семейного и церковного календаря: «Маменьке в день ее рождения», «Приветствие папеньке в день его именин», «Приветствие сестрице в день ее рождения», «Поздравление в Новый год», «Поздравление с праздником Рождества Христова», «На праздник Воскресения Христова» и т. п.

стихотворения Пушкина и других лицеистов, ежегодно сочиняемые ими к годовщине открытия Царскосельского лицея. Все подобного рода тексты имели (или же приобретали в процессе постепенного вхождения памятной даты в жизнь) обрядовый характер.

Помимо обрядовых текстов, на календарных праздниках бытовали и необрядовые произведения, целью которых было обучение *правилам проведения* праздника и *правилам поведения* во время праздника. В первых рассказывалось о том, *что бывало* на праздниках в «старое время»: описывались прежние, постепенно исчезающие обряды, праздничный этикет, праздничная еда, рецепты ее приготовления, игры и т. п. Старшие делились с молодыми опытом организации праздничного действа[1]. В других говорилось о том, *что случалось* на праздниках. Особенно часто такие «случаи» рассказывались на народных календарных праздниках: святках, Масленице, Семике, Купале и других. Эти «случаи», «происшествия», «истории», рассказанные очевидцами и со слов очевидцев, и должны были обучить (прежде всего — неопытных молодых людей) правильному поведению в ситуациях, с которыми человек мог столкнуться в праздничные дни и ночи.

Дело в том, что праздничное время воспринималось как особенное по своему характеру, не похожее на время будней: ему приписывалась способность порождать специфические (праздничные) ситуации и события. Народный календарный праздник был периодом, в течение которого человек пребывал в особо опасном положении: считалось, что на празднике активизируется деятельность инфернальных сил

[1] См.: *Терещенко А. В.* Быт русского народа. СПб., 1848. Т. 7. С. 132; см. также: *Круглов Ю. Г.* Календарные обряды и обрядовая поэзия в Калужской области // Советская этнография. 1977. № 4. С. 96–104, где засвидетельствован факт современного бытования календарных мемуарных рассказов о праздничных обычаях прошлого (С. 98–99).

(в русской традиции — «нечистой силы»)[1]. Наряду с этим сам человек во время праздника оказывался более уязвимым, чем в будни. Языческий по происхождению народный календарный праздник провоцировал человека на поведение, греховное с точки зрения церковной морали: участники праздника собирались на «игрища», пели, плясали, наряжались, гадали и пр. Поэтому в течение праздника следовало вести себя с большой осторожностью и в случае опасности правильно отреагировать на нее: «зачураться», перекреститься, отгадать загаданные чертом загадки, укрыться в безопасном месте и т. п.[2] В рассказах, которые бытовали на народных календарных праздниках, и говорилось по преимуществу о том, как ведут себя люди в опасных ситуациях (во время гадания на святках, поисков клада или цветка папоротника в купальскую ночь и т. п.) и как они расплачиваются за свои ошибки. Конечно, такие рассказы имели не только воспитательное и обучающее значение — они воздействовали на слушателей эмоционально, поддерживая и нагнетая в них особое настроение, создавая неповторимую (веселую и одновременно жуткую) праздничную атмосферу.

Повествовательные тексты, которые исполняются в течение календарного праздника и сюжет которых разворачивается во время того же самого праздника, и называются календарными. Повторяю — они не являются обязательной

[1] Ср., например, с указанием Джеймса Фрезера на то, что во время Вальпургиевой ночи (канун 1 мая) «разгул нечистой силы достигает апогея»; другим периодом «для разгула ведьм является якобы время между Рождеством и Эпифанией» (то есть Крещением) (*Фрезер Д. Д.* Золотая ветвь. М., 1980. С. 623).

[2] Считалось также, что «нечистую силу» можно отгонять различными отпугивающими звуками: трещотками, стрельбой из ружей и т. п. (см: *Романов И.* Новый год у грузин // Кавказец. 1846. № 3. 19 января. С. 1) или огнем (см: *Харузина В.* К вопросу о почитании огня // Этнографическое обозрение. 1906. № 3–4. С. 68–205).

частью ритуала, но их бытование наиболее характерно именно для определенного праздника. Их можно рассказывать и в другое более или менее подходящее время (например, перед сном на сезонных работах), но по своей природе они тесно связаны с тем праздником, о котором повествуют.

Обычай рассказывания праздничными вечерами о происшествиях, имевших место в прошлом во время того же праздника, был, судя по всему, широко распространен. Так, И. П. Сахаров упоминает о специальных людях («рольниках»), которые рассказывали на святках всевозможные истории[1]. Г. Пейзен, описывая обстановку святочных вечеров в Енисейской губернии, сообщает:

> На таких вечерках старики разговаривают про давно прошедшее, вспоминают старину и попивают винцо; девушки гадают, щелкают орешки и поют песни. Наконец, когда вино придаст старикам более веселья, начинают баить народные сказки, побасенки, загадки и т. п. В избе царствует глубокая тишина — все с величайшим любопытством слушают рассказчика[2].

Объяснение этого обычая лежит в природе человеческого сознания и психологии: человеку свойственно в определенных ситуациях вспоминать о событиях, которые произошли в аналогичных условиях и в тот же самый календарный период. Воспоминания «по аналогии» — основной

[1] См.: *Сахаров И. П.* Русские святки // Литературное прибавление к «Русскому инвалиду». 1838. № 4. 22 января. С 64.

[2] *Пейзен Г.* Этнографические очерки Минусинского и Канского округов Енисейской губернии // Живая старина. 1903. Вып. 3. С. 321; см. также: *Дилакторский П. А.* Святочные шалости в Пельшемской волости Кадниковского уезда Вологодской губ. // Этнографическое обозрение. 1898. № 4. С. 134; *Перетц В. Н.* Деревня Будагоща и ее предания // Живая старина. 1894. Вып. 1. С. 2–18; *Тихонравов Н. С.* Сочинения. М., 1898. Т. 2. С. 58; *Громыко М. М.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. С. 227, 240.

стимул к созданию устной календарной прозы. Такими рассказами до определенного времени интересовались мало, и фольклористы их почти не записывали. На первых порах гораздо большее внимание привлекал к себе так называемый традиционный фольклор: былины, песни, сказки, загадки, пословицы и т. п. Календарные рассказы чаще попадали в работы этнографов (которые на их основе реконструировали праздничный ритуал, мифологические представления и мифологических персонажей), чем в работы фольклористов. И все же многие их сюжеты сохранились.

Записывать такие тексты начали только с конца XIX века. Громадный и до сих пор полностью не обработанный материал устной несказочной прозы содержится в архиве Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева[1]. Он использован лишь частично в монографии С. В. Максимова «Нечистая, неведомая и крестная сила» (СПб., 1903) и в книге Э. В. Померанцевой «Мифологические персонажи в русском фольклоре» (М., 1975)[2]. В 1987 году была издана большая и исключительно ценная коллекция устных народных рассказов, собранная иркутским фольклористом В. П. Зиновьевым[3]. Жанр этот от самих рассказчиков получил название «быличек» (суеверных меморатов) и «бывальщин» (суеверных фабулатов)[4]. В научный оборот эти термины были введены

[1] См.: Российский этнографический музей (далее — РЭМ). Ф. 7; см. о нем: *Померанцева Э. В.* Фольклорные материалы «Этнографического бюро» В. Н. Тенишева // Советская этнография. 1971. Т. 6. С. 137–147.

[2] См. также: Быт великорусских крестьян-землепашцев: Описание материалов Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии) / Авторы-сост. Б. М. Фирсов, И. Г. Киселева. СПб., 1993.

[3] См.: Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В. П. Зиновьев. Новосибирск, 1987.

[4] См.: *Померанцева Э. В.* Русская устная проза. М., 1985. С. 173. См. также: *Blehr Otto*. The Analysis of Folk Belief Stories and its Implications for Research Folk on Belief and Folk Prose // Fabula. 1967. Vol. 97. № 1–3. P. 259–263.

еще в начале XVIII века фольклористами братьями Юрием Матвеевичем и Борисом Матвеевичем Соколовыми[1], однако основательные исследования о быличках и бывальщинах появились только в последние десятилетия[2].

Сюжеты быличек и бывальщин часто приурочиваются к тому или иному календарному празднику, что, однако, далеко не всегда бывает зафиксировано фольклористами. Дело в том, что запись по большей части производится в неестественных условиях, поскольку информант поставлен в обстоятельства, отличные от тех, в которых обычно рассказываются подобные тексты. Он исполняет по заказу — просьбе записывающего, а значит, без соблюдения необходимой обстановки (праздничная ночь, темнота, однородный коллектив слушателей, атмосфера страха и т. п.), отчего сюжет нередко утрачивает праздничную приуроченность. Поэтому и собиратели быличек, паспортизируя

---

[1] См.: *Соколов Б. М., Соколов Ю. М.* Сказки и песни Белозерского края. М., 1915. С. XXXIX–XLV, LVIII–LX; об истории термина «быличка» см.: *Померанцева Э. В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975. С. 8–16.

[2] См.: *Пропп В. Я.* Жанровый состав русского фольклора // Русская литература. 1964. № 4. С. 58–77; *Померанцева Э. В.* Жанровые особенности русских быличек // История, культура, фольклор и этнография славянских народов: VI Междунар. съезд славистов: Доклады советской делегации. М., 1968. С. 283–284; *Померанцева Э. В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975; *Померанцева Э. В.* Русская устная проза. М., 1985; *Аникин В. П.* Художественное творчество в жанрах несказочной прозы (К общей постановке проблемы) // Русская народная проза. Л., 1972. С. 6–19 (Русский фольклор. Т. 13); *Зиновьев В. П.* Жанровые особенности быличек. Иркутск, 1974; *Зиновьев В. П.* Быличка как жанр фольклора и ее современные судьбы (на материале фольклора Забайкалья): Дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 1975; *Зиновьев В. П.* Указатель сюжетов сибирских быличек и бывальщин // Локальные особенности русского фольклора Сибири. Новосибирск, 1985. С. 62–76; *Волков С. В.* Семантическая структура былички // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. 1992. № 5. С. 91–95; *Ефимова Е. С.* Русский устный мифологический рассказ: Опыт структурного анализа: Дис. … канд. филол. наук. М., 1994 и ряд других.

записанные тексты, приводят данные о рассказчике, дату и место записи, но почти никогда не фиксируют календарного времени и обстановки, в которой воспроизводился текст. Однако по ряду его признаков можно легко догадаться о времени происшествия.

В работах этнографов и фольклористов указания на рассказывание быличек в праздничные вечера встречаются регулярно[1]. Так, например, С. В. Максимов передает некоторые из них в собственном пересказе[2], Г. К. Завойко сообщает об обычае крестьян Владимирской губернии рассказывать на святочных вечеринках специальные анекдоты и сказки[3], И. К. Копаневич пишет о существовании в среде крестьян Псковской губернии «множества страшных рассказов» о происшествиях с гадальщицами[4]. Для примера приведу сюжеты нескольких, на мой взгляд, наиболее характерных календарных народных рассказов.

Благовещенский рассказ (25 марта). Однажды в Благовещение, когда, согласно народному поверью, не рекомендовалось давать что-либо взаймы, больная хозяйка запретила мужу одолжить соседке хлеба; однако муж пренебрег ее запретом, в результате чего на их кур «напал мор», и все они перемерли[5].

---

[1] См., например: *Терещенко А. В.* Быт русского народа. С. 130–132; *Щукин Н.* Святки в среде купцов и мещан города Казани // Известия Русского географического общества. 1876. Т. 12. Вып. 1. С. 155–161; *Тихонравов Н. С.* Соч. М., 1898. Т. 2. С. 58; *Максимов С. В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903. С. 291.

[2] См.: *Максимов С. В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. С. 291, 321–323.

[3] См.: *Завойко Г. К.* Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии // Этнографическое обозрение. 1914. № 3–4. С. 133.

[4] *Копаневич И. К.* Рождественские святки и сопровождающие их народные игры и развлечения в Псковской губернии. Псков, 1896. С. 27.

[5] *Успенский Д.* Благовещенье (по народным поверьям и обычаям Тульской губернии) // Этнографическое обозрение. 1908. № 3. С. 101–104.

Русальный рассказ (седьмая неделя по Пасхе). Однажды на русальной неделе прадед рассказчика, дравший в лесу лыко, вдруг заметил приближающихся к нему русалок. Он сразу же очертил вокруг себя круг и втащил в него одну из русалок. Пойманная таким образом русалка жила с прадедом в течение года, а на следующей русальной неделе убежала в лес[1].

Духовский рассказ (следующая неделя после русальной). Однажды на Духовской неделе некий мужик увидел в лесу сидящих под кустом плачущих нагих детей. Сообразив, что это русалочьи дети, которых, как считалось, можно успокоить, дав им одежду, он накинул на куст платок, и дети сразу же перестали плакать[2].

Купальский рассказ (ночь на 24 июня). В ночь на Ивана Купалу одному мужику в лапоть попал цветок папоротника, в результате чего он стал всеведущим — знал, где закопаны клады, мог предсказать будущее и т. п. Потеряв цветок, он тут же утратил приобретенную способность[3]. Купальские рассказы по количеству и разнообразию сюжетов стоят на втором месте после святочных.

Воздвиженский рассказ (14 сентября). В основе воздвиженских рассказов, впрочем, не столь уж распространенных, обычно лежат поверья о змеях, уползающих в этот день под землю до весны. Примером может послужить записанная в 1830-х годах история о бабе, которая пошла в лес за брусникой, случайно упала в яму со змеями и прожила

---

[1] *Добровольский В.* Нечистая сила в народных верованиях (по данным Смоленской губернии) // Живая старина. 1908. Вып. 1. С. 3–16.

[2] *Добровольский В.* Нечистая сила в народных верованиях. С. 13.

[3] См.: *Снегирев И.* Иван Купало, народный русский праздник // Атеней. Ч. 2. 1828. № 5. С. 13; см. также: Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. СПб., Ч. 4. 1867. С. 219–234; Жизнь и творчество крестьян Харьковской губернии: Очерки по этнографии края. Харьков, 1898. Т. 1. С. 422.

там всю зиму вплоть до Егорьева дня, пока ее, потерявшую память, не вытащили оттуда мужики[1].

Святочный рассказ (25 декабря — 6 января). Из многочисленных сюжетов святочных рассказов приведу один. Както на святках девушки пошли погадать в хлев, где стали спрашивать о своем будущем висящую там свиную тушу. Вместо ответа туша загадала им загадки, которые они не в состоянии были отгадать и, преследуемые тушей, в страхе побежали в дом. Опытная хозяйка быстро надела им на головы горшки, а ворвавшаяся в дом туша сорвала с них эти горшки и удалилась, полагая, видимо, что уносит с собой головы гадальщиц[2].

За каждым календарным праздником закрепляется определенный комплекс сюжетов[3]. Как пишет В. Н. Перетц, «предания сосредоточиваются календарно вокруг каких-то дней»[4]. Так, святочные рассказы обычно повествуют о происшествиях с гадальщицами или о встречах с «нечистой силой», благовещенские — о тяжелых последствиях одалживания чего-либо и о наказании за работу в этот праздник, пасхальные — о домовых, заезживающих лошадей, троицкие посвящены встречам с русалками, купальские — поискам цветка папоротника или клада и т. п. Эти широко распространенные сюжеты, основываясь на календарных поверьях, издавна оказались связанными с определенными календарными праздниками.

---

[1] *Оз<ерецковск>ий Я.* Змеиное зимовье: Отрывок из естественной истории моей бабушки // Библиотека для чтения. 1834. Т. 5. С. 21–26; ср.: РО ИРЛИ. Колл. 168. П. 2. № 99. Л. 40.

[2] *Перетц В. Н.* Деревня Будагоща и ее предания // Живая старина. 1894. Вып. 1. С. 3–18.

[3] Определенный комплекс сюжетов быличек закреплен и за днями недели. См., например: *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* К реконструкции Мокоши как женского персонажа в славянской версии основного мира // Балто-славянские исследования: 1982. М., 1983. С. 192.

[4] *Перетц В. Н.* Деревня Будагоща и ее предания. С. 7.

По мере того как увеличивался разрыв между городской и деревенской жизнью, календарная обрядность, а вместе с ней и календарные рассказы, постепенно начинали забываться и уходить из городского быта. Да и в деревне с конца XVIII — начала XIX века праздничные «действа», по мнению Н. А. Миненко, чаще всего уже «не имели обрядового смысла, а выполняли эстетическую, развлекательную функцию»[1]. В столичных же городах, Москве и Петербурге, культура календарных праздников иногда поддерживалась искусственно, о чем свидетельствуют многие мемуары, посвященные описанию празднования аграрных по происхождению дат при царском дворе (см., например, мемуары С. А. Порошина и А. Т. Болотова[2]).

Русский город представлял собою сложное сообщество, сильно дифференцированное по социальному и культурному признакам. В кругах низших городских слоев (ремесленников, мелкого духовенства, купечества, чиновничества и т. д.) потребность в народном традиционном празднике и переживаниях, связанных с ним, была еще достаточно велика, однако удовлетворения эта потребность почти не получала. Гораздо большая разобщенность жителей города по сравнению с деревенскими жителями приводила к тому, что городское население было лишено той всеобщей патриархальной веселости народных гуляний и вечёрок, которые были столь характерны для деревни еще в течение всего XIX века. В городе праздники справлялись «в своем

[1] *Миненко Н. А.* Досуг и развлечения у русских крестьян Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX веков // Советская этнография. 1979. № 6. С. 26.

[2] *Порошин С. А.* Записки, служащие к истории Его Императорского Высочества Павла Петровича. СПб., 1844. С. 547 (Описывается первый день Рождества 1765 года при дворе Екатерины II); Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. М.; Л., 1931. Т. 1. С. 142.

кругу»[1]. Правда, городские власти в какой-то степени пытались компенсировать эти потери устройством народных гуляний, ярмарок, балаганов, святочных и масленичных представлений, масленичных катальных гор и т. п.[2] В дворянских домах также устраивались святочные вечера и балы-маскарады с ряженьем и играми, которые стали характерными именно для подобного рода праздничных развлечений — в жмурки, фанты, шарады, оракула. Об одном таком вечере вспоминает в мемуарах В. А. Соллогуб[3]. Однако, несмотря на эти меры, как традиционные праздничные обряды и обычаи, так и календарный фольклор в городе от поколения к поколению все более и более забывались. Тем самым прерывалась традиция, которая ежегодным воспроизведением праздничных действ и рассказами стариков обычно поддерживает память о культурных явлениях. Сохранить эту традицию или хоть в малой степени компенсировать потери могли только какие-то новые, специфически городские средства. Постепенно эту роль приняли на себя средства массовой информации. В XVIII и особенно в XIX веке это были периодические издания (газеты и журналы), из которых городской читатель получал необходимое ему чтение, предназначенное специально для праздника.

---

[1] *Белоусов А. Ф.* Городской фольклор. Таллин, 1987. С. 10.

[2] См. об этом: *Кузьмина В. Д.* Русский демократический театр XVIII века. М., 1958; *Берков П. Н.* История русской комедии XVIII века. Л., 1977; *Михневич В. О.* Исторические этюды о русской жизни. Т. 1. СПб., 1879. С. 142–143; *Некрылова А. Ф.* Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища: Конец XVIII — начало XX века. Л., 1984; *Конечный А. М.* Петербургские народные гулянья на масленой и Пасхальной неделях // Петербург и губерния: Историко-этнографические исследования. Л., 1989. С. 21–52 и др.

[3] *Соллогуб В. А.* Пережитые дни: Рассказы о себе по поводу других // Соллогуб В. А. Повести. Воспоминания. Л., 1988. С. 569.

Периодическая печать оказалась, таким образом, наиболее пригодной и удобной формой снабжения городского населения календарными текстами. Любое периодическое издание в той или иной степени связано с календарем: и *ежедневная* газета, и *еженедельник,* и *ежемесячный* журнал. Приуроченность каждого очередного номера газеты или журнала к определенной дате почти неизбежно сказывается на их содержании. Однако помимо чисто внешней связи с календарем, обусловленной временем выхода, периодическое издание может иметь с ним связь более органичную, отражающуюся на структуре и содержании этого издания и проявляющуюся в нем из года в год — с постоянным возвращением к поэтике календарных и сезонных произведений. С этой точки зрения периодику можно разделить на издания двух типов. Один тип оказывается абсолютно «равнодушным» к календарно-сезонному принципу в распределении и выборе публикуемого материала. Примером могут послужить такие журналы, как «Вестник Европы» (1802–1830 гг.), «Русский вестник», «Сын Отечества» (в пору редактирования его Н. И. Гречем), «Московский наблюдатель», газеты «Голос», «Слово», «Дело», в начале XX века — модернистские журналы («Весы», «Аполлон», «Золотое руно») и ряд других. Периодические издания второго типа реагируют (порою очень остро и последовательно) на даты церковного и народного календарей, а также на времена года, на которые приходится выпуск определенных номеров. Так, в декабрьских номерах таких изданий появляются святочные, рождественские и новогодние материалы, в соответствующих номерах отражена масленичная или пасхальная тематика и т. д.; в зимних номерах помещаются стихи, очерки, рассказы о зиме, в весенних — о весне и т. п. Примером могут послужить «Московский вестник», «Москвитянин», «Осколки», «Детский отдых», «Нива» и многие другие журналы.

Для этих двух типов периодических изданий характерно различное переживание времени. Время изданий первого типа — текущее, *линейное,* ему не свойственны периодические ритмы. При таком его восприятии главной особенностью (и ценностью) становится *изменение* — каждый очередной номер стремится дать прежде всего новый материал, отличный как от предыдущего выпуска, так и от выпуска, который вышел в то же самое время год тому назад. Связь с той или иной датой становится чисто формальной — это лишь время выхода номера в свет. Напротив, изданиям «календарного» типа свойственно *циклическое* переживание времени. А. Я. Гуревич считает, что такой характер восприятия времени в наибольшей степени был свойствен Средневековью, когда «не изменение, а повторение являлось определяющим моментом <…> сознания и поведения»[1]. Думается, однако, что циклическое время вовсе не является отличительной чертой средневекового сознания. Так, Е. Г. Рабинович пишет, что

> в любом календаре присутствуют две концепции времени: циклическое и линейное, что отражает двойственность представлений о времени, имеющуюся во всех известных космологиях и привлекающую пристальное внимание ученых[2].

Вряд ли поэтому стоит утверждать, что «векторное [то есть линейное. — *Е. Д.*] время всецело господствует в современном сознании»[3]. У одного и того же человека в разные моменты жизни может «включаться» различный «счетчик» времени, хотя, видимо, одним людям (а иногда — группам людей, целым направлениям и даже эпохам) более

[1] *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. С. 102.

[2] *Рабинович Е. Г.* Тип календаря и типология культуры. С. 143.

[3] *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. С. 48.

свойственно воспринимать время как единую цепь или линию, а другим — в виде спирали, когда через определенный промежуток жизнь возвращается к той же точке, но на новом витке. Значимые точки этого витка различны — это могут быть праздники (календарные, народные, государственные, корпоративные или семейные), а также даты, памятные в жизни одного человека или же коллектива. Ю. М. Лотман, рассматривающий проблему восприятия времени в аспекте типологии культуры, циклическое время связывает с устной традицией, опирающейся на календарь, обычай, ритуал, в основе которых присутствует идея повтора и возвращения, а линейное — с традицией письменной, для которой характерны равнодушие к календарю и ориентация на «событийность», эксцессы и происшествия[1]. Однако, как будет показано далее, существуют громадные пласты письменной культуры, в такой же степени ориентированные на календарный цикл, как и устная традиция. И эти пласты прежде всего представлены периодической печатью.

Периодическое издание подготавливается к выходу конкретными людьми и адресуется всегда вполне определенному кругу читателей. В зависимости от адресанта и адресата оказывается и календарная структура газеты или журнала. Различное отношение к времени и календарю как системе счисления времени в одних случаях отражает особенности сознания и взглядов издателей, в других же — задается периодическому изданию его читателем. По моим наблюдениям, «календарными» являются газеты и журналы, адресованные широкому (массовому) читателю (например, «Благонамеренный», «Московский телеграф»), многочисленные «Листки» конца XIX века,

[1] *Лотман Ю. М.* Несколько мыслей о типологии культуры // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С. 3–17.

журналы для женщин («Журнал для милых», «Дамский журнал»), журналы для детей («Звездочка», «Детская библиотека», «Детский отдых», «Родник», «Задушевное слово»), массовые «тонкие» журналы, главным образом еженедельники, ставшие столь популярными к концу XIX века («Родина», «Нива», «Свет в картинках», «Огонек», «Всемирная иллюстрация», «Север»), специальные периодические издания для народа («Журнал для народа», «Журнал для солдат»), а также юмористические и сатирические еженедельники («Развлечение», «Будильник», «Стрекоза», «Осколки»). Календарное построение журналов для детей, женщин, народа, солдат и т. п. объясняется желанием издателей и авторов быть понятыми, близкими и интересными своему читателю. Исходя из представления о том, что определенная праздничная дата и время года вызывает соответствующие чувства и переживания, издатели стремятся совпасть с настроением читательской аудитории, тем более что многие из них, являясь выходцами из той же среды, что и их читатели, сами испытывали аналогичные праздничные эмоции. Периодическое издание, таким образом, как бы живет годовыми ритмами читателя, а порою напоминает или даже навязывает ему этот ритм. Интерес к календарю юмористической и сатирической журналистики, помимо обычной для нее ориентации на массового читателя, объясняется также способностью календарной обрядности порождать заштампованность поведения и текстов, весьма удобную для пародий и вообще для любого рода комических обыгрываний.

Журналы XVIII и начала XIX века, за достаточно редким исключением, почти не дают календарных материалов, в периодике 30–40-х годов XIX века календарно-сезонная тематика заметно активизируется, после чего опять наступает некоторый спад интереса к календарю.

Во второй половине XIX и в начале XX века широкое распространение «тонких» журналов и «бульварных» газет резко повышает процент «календарности» в периодической печати. С одной стороны, можно увидеть определенную связь между периодами общественного брожения и нарастания революционных настроений в обществе (сначала — декабризм, потом — революционная демократия), которая выражается в преобладании журналов первого типа. С другой стороны, приобщение к современной цивилизации и письменности кругов консервативного мироощущения (чиновничества и купечества николаевской эпохи, городского мещанства конца века) приводит к преобладанию периодики второго типа, ориентированной не на изменение (прогресс), а на повторение (традицию).

Итак, именно периодическая печать со временем принимает на себя ту общественную функцию, которую выполняют рассказчики во время календарных праздников. В праздничных номерах газет и журналов публикуются материалы, связанные с календарной тематикой: исторические очерки, справки, стихотворения, рассказы, фельетоны, а в иллюстрированных изданиях — иллюстрации на тему соответствующего праздника. Наряду с рассказами, связанными с народными аграрными праздниками, с середины XIX века в прессе, как будет показано далее, начинают появляться и тексты, реагирующие на церковный календарь (рождественские, крещенские, масленичные, пасхальные). Иллюстрированные журналы в соответствующих номерах помещают «картинки» к тому или иному празднику; одни из них дают чисто этнографическую информацию (например, изображение рождественских или пасхальных обычаев), другие же предлагают символику соответствующего праздника в условных персонифицированных образах (см., например, «святочные» и «пасхальные» альбомы, специально выполненные различными

художниками для журналов «Нива», «Родина», «Всемирная иллюстрация»[1]).

По мере того как росло количество массовых газет и журналов, адресованных широкому кругу читателей, увеличивалось и количество календарных текстов. В особенности это характерно для периодических изданий консервативного толка, ориентированных на традиционную культуру и стремящихся сохранить, поддержать, а в некоторых случаях и возродить ее. Этот процесс становится более интенсивным еще и потому, что к концу XIX века обычное «народное» чтение — лубочные книжки — в городе практически выходит из употребления. Как писал А. С. Орлов,

> судя по выставкам уличных книжных киосков и вообще по издательской картине Никольского рынка, московского центра «народной» культуры, русские лубочные издания <…> почти совершенно прекратились к последней четверти XIX века[2].

На этом этапе старые запросы читателя начинает удовлетворять массовая пресса.

Как фольклорные, так и литературные прозаические календарные тексты стали предметом научного рассмотрения только в последние годы. Почти одновременно американский славист Хенрик Баран и я проявили интерес к этой категории текстов. Хенрик Баран начал изучать рождественские и пасхальные рассказы конца XIX — начала

---

[1] См., например, выполненный М. П. Клодтом специально для «Всемирной иллюстрации» «Святочный альбом», репродукции из которого регулярно помещались в праздничных номерах этого еженедельника.

[2] *Орлов А. С.* Переводные повести феодальной Руси в Московском государстве XII–XVII веков. М., 1934. С. 169; см. также: *Рейтблат А. И.* От Бовы к Бальмонту: Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX века. М., 1991. С. 143–165.

XX века[1], в то время как мой интерес сосредоточился главным образом на фольклорной календарной прозе и литературных календарных текстах XVIII и XIX веков[2].

[1] См. работы Хенрика Барана: Пасха 1917 года: Ахматова и другие в русских газетах (Ахматовский сборник. Anna Akhmatova: Recueil d'articles. Paris: Institut d'Études Slaves, 1989. P. 53–75); Majakovskij's Holiday Poems in a Literary-Cultural Context (Studies in Poetics: Festschrift for Krystyna Pomorska. Columbus; Ohio: Slavica, 1994. P. 200–237); Religious Holiday Literature and Russian Modernism: A Preliminary Approach // Christianity and the Eastern Slavs. Vol. 2: Russian Culture in Modern Times / Ed. R. P. Hughes, I. Paperno. Berkley; Los Angeles: University of California Press, 1994. P. 201–244; русский перевод англоязычных статей Х. Барана см.: *Баран Х.* Поэтика русской литературы начала XX века. М., 1993.

[2] См. мои работы: О характере литературных переделок XVIII в.: «Новгородских девушек святочный вечер» И. Новикова (Учебные материалы по теории литературы: Литературный процесс и развитие русской культуры XVIII–XX вв. Таллин, 1982. С. 5–6); Стилистика русской бытовой повести XVII в.: Повесть о Фроле Скобееве (Таллин, 1986); О характере переживания времени в русской периодике XIX века (Пространство и время в литературе и искусстве: Теоретические проблемы. Классическая литература: Методические материалы по теории литературы. Даугавпилс, 1987. С. 38–40); Чехов и проблема календарной прозы (Литературный процесс и проблемы литературной культуры: Материалы для обсуждения. Таллин, 1988. С. 83–87); «Ночь перед Рождеством» и традиция русского святочного рассказа (Наследие Н. В. Гоголя и современность: Тезисы докладов и сообщений научно-практической Гоголевской конференции. 24–26 мая 1988 года. Ч. 1. Нежин, 1988. С. 21–22); Петербургский миф и русский святочный рассказ (Анциферовские чтения: Материалы и тезисы конференции. 20–22 декабря 1989 г. Л., 1989. С. 121–125); Русская календарная проза 20–30-х годов XIX века (Историко-литературный процесс: Методологические аспекты. Научно-информационные сообщения. Т. 2: Русская литература XI — начала XX вв. Рига, 1989. С. 32–34); «Святочные истории» в журнале М. Д. Чулкова «И то и сио» (Литература и фольклор: Вопросы поэтики // Межвузовский сборник научных трудов. Волгоград, 1990. С. 12–22); Святочный рассказ: Возникновение и упадок жанра (Пространство и время в литературе и искусстве: Методические материалы по теории литературы. Даугавпилс, 1990. С. 42–44); «Святочная» проза М. П. Погодина (Русский романтизм: Пространство и время. Даугавпилс, 1991. С. 118–135); Russian

С недавнего времени календарная словесность все в большей степени начинает привлекать внимание исследователей[1], что само по себе весьма показательно. Я полагаю, что это объясняется не столько научной «модой», сколько явлениями глобального характера: это следствие обращения (и возвращения) современной культуры к старым культурным традициям. Параллельно наблюдается активный процесс возрождения старого календаря — народного и церковного, что прежде всего заметно по средствам массовой информации, которые с конца 1980-х годов наряду с памятными календарными датами послереволюционной истории начали освещать события церковного и народного календаря. Повышение интенсивности переживания календаря в последние годы подтверждает мысль об эпохах «календарных» и «некалендарных», о чем говорилось выше. Очевидно, что переживаемый в настоящий момент период с его интересом к прошлому, с одной стороны, и к трансцендентным явлениям — с другой, является периодом преимущественно циклического восприятия времени.

Calendar Prose: The Yuletide Story (Elementa: Journal of Slavic Studies and Comparative Cultural Semiotics. 1993. Vol. 1. № 1. P. 59–74); Святочный бум, или Праздничная повинность русских беллетристов (Новое литературное обозрение. 1994. № 6. С. 192–199); Русская рождественская елка в жизни и в литературе (Новое литературное обозрение. 1994. № 6. С. 228–240); «От святочного рассказа непременно требуется…» (Н.С. Лесков и традиция русского святочного рассказа) // Русская литература и культура нового времени. СПб., 1994. С. 94–108.

[1] Так, например, в 1992 году в Московском университете М. Кучерская защитила дипломное сочинение «Идейная структура сентиментального святочного рассказа» (см. ее публикацию святочных рассказов: Дружба народов. 1992. № 1. С 223–270), а в SUNY (Albany, USA) Е. Руднева написала магистерскую работу «Рождественские стихотворения Иосифа Бродского»; см. также: *Старыгина Н.Н.* Святочный рассказ как жанр // Проблемы исторической поэтики. Вып. 1. Художественные и научные категории: Сб. научных трудов. Петрозаводск, 1992. С. 113–127.

Настоящая работа посвящена истории возникновения, формирования и становления наиболее показательной разновидности календарной словесности — святочного рассказа. Охарактеризовав художественную природу и основные темы устных святочных историй (святочных быличек), я прослеживаю судьбу святочного рассказа на протяжении трех веков — от XVIII века до настоящего времени. В основном мое внимание сосредоточено на повествовательных текстах, но в тех случаях, когда это представляется необходимым, я останавливаюсь также на произведениях стихотворных и драматургических.

1995